

ВОЗРАСТ КАК СОБЫТИЕ СМЫСЛА

Косилова Е. Философия возраста. Взаимосвязь экзистенциального и познавательного взросления человека.

М.: ЛЕНАНД, 2014. 160 с.

**Балла-Гертман
Ольга Анатольевна**
заведующая
отделом философии и
культурологии журнала
«Знание-Сила»
(г. Москва)
e-mail: gertman@inbox.ru

Автор, доцент кафедры онтологии и теории познания философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, предпринимает нетривиальную попытку говорить о человеческом возрасте с привлечением исключительно философского понятийного инструментария (а не психологического или культурологического, что более привычно, то есть — более освоено нашей культурой) — и в рамках философской проблематики: как об (универсальной) смысловой структуре. Необходимая для такого разговора система понятий во многом создаётся автором по ходу дела.

«Вопрос о философии возраста, — пишет Косилова, — можно поставить несколькими способами: как трансцендентальный, как антропологический и как эмпирический». Автор выбирает два первых варианта — относя эмпирическую, «самую простую» формулировку («что мы наблюдаем у детей такого, чего нет у взрослых, и что мы наблюдаем у взрослых такого, чего нет у детей?») к области забот психологии, сосредоточивается на формулировке трансцендентальной («изменяется ли субъект и его познавательные способности в результате его собственной познавательной деятельности, и если да, то как?») и антропологической («каковы существенные характеристики субъектов разного возраста?»).

Возраст рассматривается в книге во взаимоналожении двух парадигм, двух порядков изменения: экзистенциального и познавательного (гносеологического), которые в конечном счёте сходятся в одной точке — изменения отношения человека к миру, деятельно проживаемого

«соотношения Я/мир». Отношения экзистенциальное и познавательное — два его (равноправных?) вида. Первое «связано с тем, что человек — существо смертное, социальное и задающееся вопросами о смысле жизни, о подлинности, о морали», второе — с тем, что он — существо ещё и «разумное и способное на познание». Экзистенциальный, очевидным образом, первичнее («отношение к жизни» — это основа, по отношению к которой познавательная деятельность вторична»). Но рассмотрены эти два вида возрастной динамики могут быть по-настоящему только вместе, поскольку и разумность, и смертность даны человеку одновременно.

Иными словами, познавательные акты человека — в некотором смысле всегда акты экзистенциальные — и, пожалуй, наоборот. Автор не формулирует этого прямо, напротив, не устаёт подчёркивать обратное: экзистенциальное категорически первично («в основе всего — страх, болезнь, желание любви, стремление к покою, заброшенность, автоматизмы, равнодушие, просветление. ужас...»), что, в общем, с обыденной очевидностью вполне согласуется. Однако из всего выстроенного ею рассуждения очевидно, что акт ни одного из названных типов не может оставить незатронутыми структуры другого типа. (Эта связь, постоянно обращает наше внимание автор, никоим образом не должна быть понята прямолинейно: «путь гносеологического взросления не имеет прямой связи с экзистенциальным взрослением»; понятно, что разные стороны этого многоединого процесса могут протекать с разной скоростью, вплоть до значительных разрывов между ними.) По существу, здесь делаются подступы к моделированию «механизмов» человеческой цельности, сопряжения разных сторон человеческой природы.

К понятию «возраста» автор подходит через понятие «структуры субъектности» (на разных возрастных стадиях структура субъекта различна и, по мере прохождения человеком возрастных стадий, изменяется направленно, в некотором типовом направлении). «Взросление» — это постепенная «трансфигурация субъектности» и формирование, в конечном счёте, «эксцентрической структуры субъекта». Складывание этой последней и должно быть, по мысли автора, сочтено достижением взрослости.

Та точка, в которой сходятся два порядка изменения человека, — по Косиловой, сущностно этична («...связь этики с возрастом непосредственная. Нельзя требовать от ребёнка автономии, а взрослый обязан быть автономным»). Оба процесса — и экзистенциального, и познавательного взросления — имеют своим результатом отказ от центрированности на себе и этим родственны друг другу («В чём суть взросления, если объединить парадигмы? Экзистенциальная парадигма: прекращение эгоизма, переход к заботе о среде. Гносеологическая парадигма: прекращение эгоцентризма, переход к эпистеме. То и другое, разумеется, имеют между собой общий момент. Можно обозначить его как *смещение центра*, появление взгляда как бы из другой точки зрения». Интересно было бы проверить, в какой степени это верно за пределами нашей, «западной», (пост)христианской индивидуалистической культуры.)

«Субъект», центральное, «несущее» понятие всей конструкции, в понимании Косиловой (этот концепт, считающийся в современной философии «устаревшим», она находит удобным для целей построения философии возраста —

обосновывая это его «неотъемлемо активистской смысловой нагрузкой» и устойчиво связываемым с ним представлением о свободе воли) — «особая познавательная и экзистенциальная структура, которая может преобразовываться и действительно преобразуется с возрастом». Книга посвящена, собственно, «выяснению этой структуры, её преобразований», а также того, «от чего они могут зависеть».

«Возраст», таким образом, — не что иное, как субъектная динамика. Автор ищет её универсальных черт, независимых, насколько можно понять, от культурных координат осуществляющегося субъекта.

Отношения автора с культурным измерением человека, — со всем, что относится к возрасту как культурному конструкту, — вообще довольно сложны. Это измерение здесь убрано почти вовсе — или отнесено к области принимаемого по умолчанию. (Мне это представляется важным упущением.) Да, с самого начала Косилова говорит о том, что ответы на вопросы о том, когда, например, кончается детство и начинается следующий этап жизни человека («Отрочество»? «юность»? «подростковость»?), «когда мы считаем ребёнка «совсем маленьким», а когда «уже большим», «когда мы считаем его ещё молодым, а когда — «уже взрослым» — «сильно зависят от культуры» («чем более развита цивилизация, тем дольше не взрослеют люди»); что, помимо биологических стадий возраста («Природные критерии хороши тем, что устанавливаются чётко. Но для философской работы они почти бесполезны»), «бывают какие-то другие, связанные с культурными условиями» (они же «вторичные»).

Однако в дальнейшем рассуждении по тому самому умолчанию, практически без уточняющих оговорок, рассматривается европейский человек Нового времени — как если и не «норма», то как воплощение универсальности.

В конце концов — в качестве, вероятно, исходной — предлагается комбинированная периодизация возрастов, соединяющая — притом чередующая — оба критерия: «Младенчество — это природная стадия, начало детства — тоже, а конец детства — это вторичная стадия. Затем наступает природная стадия: подросток, половая зрелость. Затем — чисто вторичная последовательность стадий человеческой молодости/зрелости. Затем природная стадия окончания фертильности, затем вторичная стадия мудрости (греки называли её акме¹) и, наконец, долгая природная стадия старости, которая иногда делится на вторичные стадии и постепенно определяется угасанием физических возможностей мозга».

На равных правах с этой, «обыденной» (и не слишком чёткой, как и положено обыденному) периодизацией, автор вводит ещё два типа возраста — «природный» (возрастные стадии выделяются по сочетанию критериев: физической самостоятельности/несамостоятельности и половой зрелости) и «познавательный» (критерии здесь — степень познавательной самостоятельности и способность осваивать новые среды. Соответственно, больших периода в

¹ (В скобках заметим, что *акме*, вершину, греки относили, сколько помнится, к вполне фертильному возрасту примерно сорока лет и имели под нею в виду не столько мудрость, сколько расцвет, полноту развитости и осуществлённости всех сторон человеческой природы; то есть, за природной стадией окончания фертильности — угасания одной из сторон этой природы — она следовать никак не может. — О. Б.-Г.)

данном случае два: (познавательной) несамостоятельности и самостоятельности, причём последняя наступает, по предположению автора, «в среднем в 40 лет». К сожалению, это интересное положение никак не аргументируется.

На выбранном ею пути философского моделирования возраста (в том самом взаимоналожении и взаимопроникновении экзистенциальной и познавательной парадигм) Косилова, несомненно, первопроходец. На русском языке такого, похоже, не делал никто. Правда, кажется, она не вполне справедлива по отношению к своим предшественникам в философском размышлении о возрасте, — даже русскоязычный (отвлекаясь от написанного на иных языках) дискурс на эту тему хоть и невелик, однако он существует и достоин некоторого внимания. Автор пишет: «Нельзя сказать, что тема возраста совсем никогда не появлялась в философии. Мы можем найти её даже у Аристотеля. Можем найти у Канта, очень хорошо — у Гегеля. Больше я ни у кого не встречала, если не считать американские антропологические школы, которые обсуждают роль социального научения в разных культурах — но это иная тема».

Между тем и на нашем языке о философии возраста уже было сказано кое-что достойное внимания. Прежде всего приходит в голову «Психологическая топология пути» Мераба Мамардашвили² о прустовском «романе становления человеческого существа», в которой, безусловно, речь идёт о философски понятых возрастных стадиях; стоит вспомнить также Михаила Эпштейна с его уже классическим, кажется, текстом «К философии возраста: Фрактальность жизни и периодическая таблица возрастов»³ и Сергея Лишаева⁴, уже не первый год развивающего свою философию возраста⁵. Целостные системы можно видеть по крайней мере у этих троих авторов. Что касается философской рефлексии отдельных возрастных стадий, то, например, философии старости, геронтофилософии, была посвящена целая конференция, проведённая Санкт-Петербургом философским обществом двенадцать лет назад, — по результатам её

² Мамардашвили М. Психологическая топология пути. М. Пруст «В поисках утраченного времени». СПб., 1997.

³ Звезда. № 4. 2006.

⁴ Разработавшего целый, читаемый студентам Самарской Гуманитарной Академии, спецкурс «Философия возраста» (<http://www.phil63.ru/spetskurs-filosofiya-vozrasta>).

⁵ Применительно к старости см., например: Лишаев С. А. Молот старости // Мир философии — мир человека. М. : Гуманитарий. Приложение 2007 г. к журналу «Философские науки». С. 572—581; он же. Старость и современность // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2007. №. 1; он же. Горизонты старости: типология и экзистенциальное содержание // *Mixtura verborum* 2006: топология современности : сб. ст. Самара : Самар. гуманит. акад., 2007; он же. Старое, старинное, ветхое // *Mixtura verborum* 2004: Пространство симпозиона : сб. ст. Самара : Самар. гуманит. акад., 2004; а также в книгах: Лишаев С. А. Влечение к ветхому (Опыт философского истолкования). Самара : Самар. гуманит. акад., 1999; он же. Эстетика Другого. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008. = Применительно к раннему детству — причём именно во взаимоналожении экзистенциального и познавательного модусов — интересна его же статья «Первое, что запомнилось (Вещь в биографическом контексте)» // Сила простых вещей. СПб. : Алетей, 2013. С. 112—136.

был выпущен целый сборник⁶ текстов разной степени философичности и разного уровня теоретического напряжения. Много писал на эту тему, в частности, Константин Пигров⁷. Есть кое-что и по философии детства — немного, принципиально меньше, чем стоило бы, но есть⁸. Из существенного вспоминается очень медленно выращивающий свою «Картографию внутреннего детства» Александр Лобок⁹. Стоило бы, кажется, даже при несогласии с названными и неназванными авторами вступить с ними в некоторый диалог. Из всех философствовавших о возрасте она вступает в (продуктивный) диалог с Кантом, Гегелем, Жаном Пиаже и Хельмутом Плеснером, на каждого из которых в той или иной степени опирается при создании собственной системы.

Речь идёт именно об этом: по существу, на материале возраста и сопутствующих ему изменений Елена Косилова выстраивает собственную, цельную философскую систему (точнее, начинает выстраивать — ибо не раз говорит о том, что формулируемое ею сейчас — не более, чем «предварительные заметки»). По большому счёту, имеется в виду система понятий, которая позволяла бы философски смоделировать (едва ли не) любые происходящие с человеком изменения вообще, — по крайней мере, в области его отношений с миром. Предлагаемая «теория трансфигурации субъектности» видится ей применимой не только к возрастным изменениям, — они лишь частный случай этой трансфигурации (хотя, может быть, наиболее внятно выраженный), — но к гораздо более широкому кругу проблем, — например, к анализу сменяющих друг друга парадигм философствования.

И это возвращает нас к мысли о том, что здесь мы, вполне возможно, имеем дело с начатками большой, пока ещё не развёрнутой, но уже вполне внятно намеченной антропологической программы.

⁶ Философия старости: геронтософия. Сборник материалов конференции. Серия “Symposium”. Вып. 24. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2002. 115 с. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/gathered/gerontos/index.html>

⁷ См., например: *Пигров К. С.* Философия и старость: к конституированию геронтософии // Философия XX века: школы и концепции. СПб., 2003; *он же.* Старик в диалоге: опыт социально-этического исследования // Диалог: проблемы междисциплинарных исследований : межвуз. сб. / под ред. Г. М. Бирюковой. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2000. С. 22–25; *он же.* Старость — лучшее время человеческой жизни // Мост. 2001. № 42. С. 51–52.

⁸ Я бы сказала даже, недопустимо мало. Но всё-таки — например: *Грякалов А. А.* Философия и транспедагогика детства // Инновации и образование : сб. матер. конф. Серия “Symposium”. Вып. 29. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 53–62; *Гречаный В. В., Мозелов А. П.* Философия детства — будущее России // Россия: прошлое, настоящее будущее : матер. Всерос. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 16-19 декабря 1996 г. / отв. ред. М. С. Уваров. СПб. : Изд-во БГТУ, 1996.

⁹ http://allobok.ru/?page_id=85